

Спустя пару дней старпом шёпотом поведал мне занимательную историю. Короче говоря, попросил он стальную леди, чтобы она вечером прислала ему одну из новеньких девушек. Так и сказал:

— Тамара Альбертовна, мне вон ту рыженькую.

Но получил категорический отказ. Такого раньше никогда не бывало.

— Но, почему? — искренне удивился старпом.

— Я её ещё сама не трахала! — рявкнула стальная леди и так глянула, что бедный старпом аж отпрыгнул от неё.

А мне всё не давал покоя разговор с Машей и Дашей тогда, у меня в каюте. Я был убеждён, что наша директриса — законченная лесбиянка. Хотя девчонки дружно отрицали это. И так как стальная леди обожала вести непристойные разговоры, чем часто вводила меня в смущение, то я, наконец, решился спросить её напрямую. Как-то после ужина мы остались с ней за столом одни. Без всякой подготовки я и задал ей свой вопрос. Она, ни сколько не растерявшись, облокотилась на стол, кокетливо поджав кулаками щёки, и, мечтательно закатив глаза, выдала:

— До сих пор не могу решить, что мне нравится больше: когда меня трахает мужчина, или когда я трахаю женщину.

Её ответ поверг меня в шок. После этого с подобными вопросами больше я к ней никогда не приставал.

А творила она на судне, что хотела. Её теория о том, что у мужчины не должно оставаться лишней спермы в яйцах, чтобы быть ручным и послушным, работала. Мне бы давно следовало устроить глобальную проверку всему её заведыванию, но, по правде, не мог я этого сделать. Во первых очень уставал на службе. А потом, после приборок в моей каюте, становился каким-то опустошённым. Ко всем её художествам относился с всё поглощающим чувством апатии. Просто мне было на всё наплевать.

Однажды, на одном из праздников, которые периодически устраивались для пассажиров, когда веселье было в самом разгаре, она подошла ко мне.

— Кого бы вы хотели увидеть у себя сегодня? — улыбаясь, кокетливо пропела она. Она в последнее время вообще перестала меня стесняться и вела себя порой вызывающе.

— Вас! — грубо отрезал я, неудачно пошутив. Она ни сколько не смутилась. С обворожительной улыбкой пожала плечами и пошла прочь.

Я, сколько требовала необходимость присутствия здесь капитана, постоял ещё немного и удалился. Неторопливо обошёл всё судно. Веселились на всех палубах. Поднялся на мостик, проверил вахтенную службу. Всё было в порядке. Оставшись всем доволен, пошёл к себе.

Открыв дверь своей каюты, я опешил... Стол в гостиной был красиво сервирован фруктами и конфетами. Горели свечи, отражаясь в винных бутылках и фужерах. И над всем над этим хлопотала Тамара Альбертовна. Одета она была, как-то странно. На ней был толстый махровый халат ниже колен, повязанный поясом и ярко красные, конечно на высоком каблуке, туфли.

Увидев меня, она оставила свои хлопоты и склонилась в низком реверансе, скромно опустив

голову и прикрыв глаза своими длинными ресницами. Так и замерла. Полы халата при этом немного разошлись, показывая, что под ним ничего нет. Оторопев, я стоял, не в силах пошевелиться. А она, как присела в реверансе, так и застыла. Наконец, я очнулся. Закрыв дверь и подошёл к ней. Она продолжала стоять передо мной, скромно склонившись. Я обнял её, заставляя подняться. При этом поясок ослаб, и халат, как-то сам собой, пополз у неё с плеч. Я замялся на секунду.

Я уже взрослая девочка, — пропела она низким грудным голосом, помогая освободить себя от одежды. Я бросил халат на спинку кресла. Она стояла передо мной совершенно нагая. Мой рост выше среднего. Но на своих каблуках она оказалась вровень со мной. Так и стояла глаза в глаза, прожигая меня пронзительным взглядом. В её огромных тёмных глазах уже не осталось и следа от притворной скромности. Они светились и искрились лукавством. Да! В них действительно можно было утонуть.

— Прошу к столу, — грациозно повела она рукой.

Наверное, невероятно представить себе такую картину, когда мужчина в парадном мундире, застёгнутом на все пуговицы, находится наедине с очаровательной дамой. А дама абсолютно голая. При этом не только не смущается, а просто не замечает этого.

Тамара Альбертовна оказалась очень образованным и умным человеком, а собеседницей совершенно изумительной. Мы пили вино, шутили, болтали обо всём на свете.

У меня холодело всё внутри, когда она доставала что-нибудь, и над столом повисали, раскачиваясь, её тяжёлые груди. Или когда приподнималась, и передо мной играл её обворожительный, заросший чёрными волосиками, лобок. А когда она прохаживалась по каюте, я просто изнемогал, глядя, как двигаются её широкие бёдра. Если она смеялась, то её соски задорно прыгали вверх вниз, и от них уже невозможно было отвести глаз.

По-видимому, она чувствовала, что со мной творится и изощрялась ещё больше, соблазнительно кокетничая.

Я испугался, что от перевозбуждения кончу прямо так, сидя в кресле. Надо было что-то делать. Я поднялся и включил магнитофон. Каюта наполнилась тихой музыкой. Я подошёл к ней, поправил галстук и склонил голову, приглашая на танец. Она томно улыбнулась, поднялась с кресла и, разведя руки широко в стороны, низко присела в реверансе. При этом её тяжёлые груди так весомо качнулись, что у меня застучало в висках.

Танцевали мы недолго. Да и как долго можно было выдерживать такую сладостную муку, когда она, прижимаясь к моей груди голыми сосками, обнимала меня, теребя пальцами волосы на затылке. Целовала в ухо, обдавая жарким дыханием.

Танцуя, я начал подталкивать её к кровати, пока она не оказалась к ней спиной. С такой женщиной невозможно было быть грубым. Я заботливо посадил её на кровать. А потом нежно, тихонечко надавливая на плечи, заставил лечь. Резко выпрямившись, я нервно стал срывать с себя одежду. А она, лёжа на спине, зашевелилась, задвигалась, устраиваясь поудобнее.

Сбросив одежду, я упал перед ней на колени. Едва касаясь внутренней стороны её бёдер, заскользил ладонями вверх по её ножкам, раздвигая их. Она лежала предо мною вся раскрытая и доступная. Я гладил её живот, бёдра, одновременно подбираясь к самому заветному. И вот я коснулся языком её половых губок. Она уже истекала влагой. Я исследовал внешние губки языком, потом добрался до внутренних. Мой язык очень долго измерял её внутреннюю глубину. Очень долго, пока я жадно не впился в её клитор губами. Я даже не

ласкал его. Я просто жадно сосал. Всё. Ждать больше было невыносимо. Я оторвался от неё и приподнялся. Она лежала, широко разбросав руки, с полуприкрытыми глазами и прерывисто дышала. Её щеки пылали. Я рукой направил член и медленно стал входить в неё. Она вся подобралась. Даже тише стала дышать. Но в какой-то момент сорвалась и вздрогнула мне навстречу. Я со всей силы прижался животом к её упругому животу. Она утробно вскрикнула и задвигала бёдрами. Я подхватил её ноги и положил себе на плечи, продолжая усиливать толчки. Она замотала головой из стороны в сторону, разбрасывая волосы.

Я просто утопал в ней. Она чутко отзывалась на каждое моё движение. Я нежно гладил, прижимая к себе, лежащие у меня на плечах стройные, немножко полноватые ножки, Красные туфли прыгали вверх вниз, задевая мочки моих ушей. Она вскрикивала, рвалась, задыхалась. Я уже близок был к оргазму, когда всё-таки нашёл в себе силы остановиться.

Рывком выйдя из неё, я перевернул её на живот, взял руками за ноги и дёрнул на себя. Её ноги упали с кровати.

Она стояла раком, лёжа животом на кровати и стоя на коленях на ковре. Одним движением я резко раздвинул ей ноги пошире и опять вошёл в неё. Сильно вошёл, обеими ладонями надавив ей на спину.

Как это не странно в такой момент повествования, здесь опять необходимо сделать некоторое отступление. Много лет назад, когда ходил я по морям ещё штурманёнком, наш пароход завис в Бомбее. Простояли больше месяца. И встретил я там своего однокашника. Он в Индии в торгпредстве работал. И вот затащил он меня в одно религиозное учреждение к индийским жрицам любви. А, попросту, к храмовым проституткам. Попалась мне одна такая с грустными глазами. Она долго готовила меня, делая массаж губами и языком от ушей до пяток. А потом, оседлав, плотно уселась на меня верхом и замерла, закатив глаза. Так и осталась неподвижной. Но только снаружи. Внутри вовсю заработали мышцы её влагалища. Чувство было такое, будто тебя доят, словно корову. Но самое главное, что, испытывая изнуряющее удовольствие, кончить никак было невозможно. Она абсолютно контролировала ситуацию. Стоило только приблизиться к оргазму, Она тут же внутри расслаблялась, как бы отпуская тебя, и начинала всё сначала. Измучила она меня жутко. Когда же позволила мне разрядиться, очевидно, пожалев, я больше часа пролежал в каком-то полузабытьи, ничего не видя и не слыша.

Потом я долго расспрашивал, как она это делает. И она, совершенно откровенно, несколько раз подробно разъяснила мне всё. Научила, как управлять собой, чтобы партнёр мог разрядиться только по твоему желанию. Удивительно, что через какое — то время, попробовав это на другой женщине, у меня получилось всё с первого раза, и я понял, что это совсем несложно. И ещё одно совсем маленькое отступление: Женщин я делю на три типа. Первые — это те, которые вообще не испытывают оргазма. Они пытаются притворяться, изображают чувства, но мужчина всё равно поймёт игру. Я даже не уверен, что они испытывают удовольствие. Не люблю таких. Вторая категория — это те, которые, пока с ней занимаешься, кончат несколько раз. С такими легко. Такие позволяют чувствовать себя сильным. И самая моя любимая — это третья категория. Это те женщины, которые в любом случае испытывают оргазм только одновременно с тобой. Как бы ты не ускорился или не замедлялся. Какие бы ты не делал паузы, она не отстанет и не убежит вперёд. Оргазм вы испытаете одновременно.

Тамара принадлежала к третьему, так мною любимому типу. Я это понял сразу, как только

вошёл в неё.

Она скользила сиськами по кровати. Кричала. Дёргалась. А я, с силой надавливая ладонями ей на спину, входил и входил в неё, ни на секунду не давая передышки. Мне, вдруг, вспомнилось, когда я ещё пацаном служил в армии, бежал марш-бросок на десять километров при полной выкладке. Нагрузка показалась очень похожей.

— Не мучай меня!... Пожалей!... Подожди!... Ну, пожалуйста-а-а!... — говорить она уже не могла. Выла, бессвязно выкрикивая. Но женщина — то была со мной исключительная. В какой — то момент, залюбовавшись ею, я всё-таки потерял над собой контроль и бурно кончил. Она пронзительно закричала, забилась в конвульсиях, постепенно затихая. Она замерла, прежде чем я вышел из неё.

Оставив её, я бросился в душ. Только под холодной струёй пришёл в себя. Вытершись полотенцем, я вернулся.

Стальная леди так и стояла раком. Позы она не изменила. На коленях на ковре с широко разведёнными ногами, лёжа животом на кровати. Руки её были разбросаны в стороны. Пальцы судорожно сжимали скомканную простынь. Упёршись щекой в смятую подушку, она была неподвижна. Глаза её были закрыты.

Я по себе знал, что сейчас с ней происходит. Знал, что в таком состоянии она пробудет ещё долго. Я налил себе рюмку. Выпил залпом. И... опять залюбовался ею. Всё-таки шикарная была женщина. Какое у неё было тело!

А она так и стояла раком, вся истекая. Её ляжки блестели влагой. Я почувствовал, что снова начинаю заводиться.

Я опустился на колени и погладил её по спине. Она не отреагировала. Я водил ладонями по всему её телу, ощупывая и тиская. Сжимал её бёдра. Потом пальцами жёстко раздвинул ей ягодицы. Мне открылась вполне девственная попка. Я тут же направил в неё головку своего члена и слегка надавил. Тамара пошевелилась. Я просунул руки ей под мышками, ухватился за пышные сиськи и, сильно потащив их на себя, резко вогнал ей член до самого основания. Она сразу же ожила. Задвигалась. Задёргалась из стороны в сторону. А я, сжав зубы, вгонял и вгонял её в попу член, вновь заставив её закричать. Теперь я не сдерживал себя. Я стремительно шёл к оргазму. И... , наконец, кончил!

Прижавшись к ней, содрогаясь всем своим существом, я сладостно перекачивал остатки спермы из своих яиц в попу стальной леди, чтобы быть ручным и послушным.

Разрядившись, я выдернул член из её попы. Она опять затихла. Поднимая ей по очереди ноги, я снял с неё туфли, взял её за бёдра, стащил с кровати и поднял на руки. Она ни на что не реагировала. Её руки и ноги обессилено свесились вниз. Я на руках пронёс её через всю каюту, вошёл в душ и осторожно посадил её в углу прямо на кафель.

Она сидела, сгорбившись, низко опустив голову, с закрытыми глазами, упёршись сиськами в колени. Наскоро сполоснувшись, я направил тёплый дождик душа на неё. Вода струйками потекла ей на голову, сминая причёску. Обтеревшись, я вышел.

В гостиной я ещё налил себе рюмку. Достал из шкафа спортивный костюм, оделся и сел на диван.

Вскоре из душа вышла Тамара Альбертовна, шлёпая моими тапочками. Голова её была замотана моим полотенцем. Ах! Всё-таки, как она была хороша! После душа от неё веяло какой-то свежестью. Без косметики ей было даже лучше.

Она, не глядя на меня, прошлёпала тапочками через всю каюту. Усевшись на кровать,

скинула тапки, одновременно обеими ногами подбросив их вверх. Они разлетелись в разные стороны. Неторопясь, надела туфли. Поднялась и подошла к столу. Я не сводил с неё глаз. А она совершенно не обращала на меня никакого внимания. Надев халат и запахнув полы, тщательно завязала пояс. Сделав пару шагов к двери, остановилась, повернулась и, по-прежнему не глядя на меня, присела в реверансе, скромно опустив глаза. Поднялась, повернулась и вышла, так и не взглянув на меня и не проронив ни слова.

Мне казалось, что после этого вечера что-то должно измениться. Ничего подобного!

На следующий день у себя в каюте за уборкой я застал какую-то Лялю, ростом выше даже самой стальной леди и с сиськами, словно буферами от железнодорожного вагона. Уже через несколько минут, прижатый этими сиськами-буферами к спинке кресла, я с испугом осознал, что мне сейчас через мой член высосут мозги. Сперму эта Ляля отхлебывала, будто лошадь после скачек на водопое. Я с облегчением вздохнул, когда она, гремя вёдрами, покинула каюту. До самого вечера у меня ломило спину.